

А.И. КУЛИКОВ

В СЕНТЯБРЕ 1944 года. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ (ПО ПРОТОКОЛЬНЫМ ЗАПИСЯМ)

26 июня в радиообращении к финскому народу президент Р. Рюти заявил о том, что Финляндия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Официальной целью Финляндии в войне считался захват советской Восточной Карелии и возвращение Карельского перешейка, т.е. восстановление границы 1939 г. Но в дальнейшем устремления финляндского руководства этим не ограничились. Речь уже шла о необходимости обеспечения обороны Финляндии в “кратчайших границах” и “единой территории”, что подразумевало захват более обширных территорий и продвижение к Ленинграду¹.

Уже в августе 1941 г. при посредничестве американского правительства Советский Союз попытался вступить в мирные переговоры с Финляндией, заявив в том числе о готовности идти на некоторые территориальные уступки. Так как назвать конкретные условия мира Москва была не готова, а финляндское правительство не желало идти на компромиссы, предпринятая попытка оказалась безуспешной. Почти через два года, в марте 1943 г., с мирной инициативой выступила уже американская администрация, предложившая финским властям свое посредничество в установлении контактов с Москвой. Впрочем, воспользоваться предложениями Вашингтона финляндское правительство не решалось – оно боялось разгневать своих немецких союзников и таким образом лишиться экономической и военной помощи Германии. Обеспечить же Финляндию прочными гарантиями безопасности со своей стороны США готовы не были. Кроме того, после победы советских войск под Сталинградом, ознаменовавшей начало коренного перелома в войне с фашистской Германией и ее союзниками, советское правительство было согласно вступить в переговоры с Хельсинки только в том случае, если бы финны заранее приняли советские условия мира. Однако финляндское руководство считало их совершенно неприемлемыми.

В ноябре 1943 г. Финляндия по дипломатическим каналам установила прямой контакт с Советским Союзом. До февраля 1944 г. шла активная подготовка встречи советского полпреда в Швеции А.М. Коллонтай с будущим президентом Финляндии, главной фигурой так называемой “мирной оппозиции” Ю.К. Паасикиви. В результате встречи финской стороне были переданы советские предварительные условия перемирия. Финляндии предлагалось разорвать отношения с Германией, интернировать находящиеся на финской территории немецкие войска и восстановить действие советско-финляндского мирного договора 1940 г. В марте 1944 г. в Москве состоялись советско-финляндские переговоры, оказавшиеся безрезультатными. Финляндское правительство направило в Москву ноту, в которой заявило о невозможности приня-

---

Куликов Андрей Игоревич – аспирант Московского государственного института международных отношений (университета), атташе посольства РФ в Финляндии.

¹ *Барышиников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб. – Хельсинки, 2003, с. 18.

тия советских условий. По мнению Н.И. Барышникова, контакты финнов с советским полпредом в Швеции Коллонтай были лишь “дипломатической разведкой”, которая “имела задачу не только выяснить позицию Советского Союза, но, кроме того, преследовала цель показать стремление финляндского руководства к миру, чтобы приглушить антивоенные настроения в собственной стране и успокоить определенные влиятельные круги в Стокгольме и Вашингтоне”².

После того как в конце июня 1944 г. советские войска на Карельском перешейке овладели Выборгом, финляндское правительство через министерство иностранных дел Швеции вновь предприняло попытку мирного зондажа. Руководство Советского Союза со своей стороны заявило о невозможности начала мирных переговоров до тех пор, пока Финляндия официально не объявила бы о своей капитуляции. Идти на такой шаг финны были не готовы.

Финляндское правительство предпочло продолжать войну на стороне Германии, за помощью к которой оно и обратилось. 22 июня в Финляндию неожиданно приехал германский министр иностранных дел И. Риббентроп. В результате его визита 27 июня было подписано германо-финляндское коммюнике, в котором Германия выразила готовность оказать Финляндии необходимую военную помощь. По словам американского временного поверенного в Финляндии Э. Гэллиона, финны сумели договориться с немцами по всем основным вопросам: в коммюнике “сообщается, что немцы обещали финнам 6–7 дивизий. Дивизия и две моторизованные бригады, различные смешанные силы и военно-морские части уже здесь. Одна из дивизий – 122-я. На улицах видна боевая техника, камуфлированная в светло-серые и пустынные тона с эмблемами в виде когтя или крыла грифона. Повсеместно встречается техника и артиллерийские орудия на конной тяге”³. И действительно, по запросу начальника финского Генерального штаба Э. Хейнрикса руководство Германии спешно направило в Финляндию подкрепление. В конце июня под Выборг была переброшена 122-я немецкая пехотная дивизия (символом которой и являлся коготь)⁴. В июне-августе 1944 г. немцы поставили в финскую армию 15 средних танков Т-4J, 19 самоходных установок StuGIII G, а также не менее трех трофейных танков Т-34⁵. Берлин стремился официально оформить дальнейшее укрепление германо-финляндского военного сотрудничества, в результате чего 26 июня президент Рюти направил Гитлеру письмо, в котором дал личное обещание не допустить начала сепаратных переговоров о мире без согласования с германским руководством.

Однако военно-политическое положение Германии и ее сателлитов стремительно ухудшалось. Советские же войска, напротив, сумели развить успешное наступление в Прибалтике и к концу июля 1944 г. освободили Нарву. Финские правящие круги всё больше и больше убеждались в необходимости скорейшего выхода из войны.

Для этого необходимо было прежде всего ликвидировать соглашение с Германией, ответственность за подписание которого фактически нес лично Рюти. 14 июля 1944 г. Коллонтай через шведские дипломатические каналы сообщила в Хельсинки, что для советского правительства мирные переговоры возможны только в случае отставки президента Финляндии и его правительства⁶. 1 августа Рюти покинул свой пост, а уже 4 августа президентом страны стал главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал К. Маннергейм. Через несколько дней был сформирован и новый кабинет министров, который возглавил А. Хакцель. Выступая в парламенте 4 сентября, он заявил о том, что Финляндия принимает предварительные советские условия переговоров. Американский посол в Швеции Х. Джонсон, передавший содержание

² Барышников Н.И. Указ. соч., с. 218.

³ The Charge in Finland (Gullion) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1944. The British Commonwealth and Europe, v. III. 1944, p. 605.

⁴ <http://www.feldgrau.com/InfDiv.php?ID=94>

⁵ Широкопад А.Б. Северные войны России. Минск, 2001, с. 830.

⁶ Барышников Н.И. Указ. соч., с. 224.

речи Хакцеля в Вашингтон, подчёркивал, что, по мнению премьер-министра, еще в апреле 1944 г. ситуация на советско-финском фронте была благоприятной. Когда же в июне 1944 г. советские войска перешли в наступление на Карельском перешейке, финской армии уже с большим трудом удалось удержать фронт. Однако и Германии пришлось отступать. Хакцель открыто говорил о том, что в военном руководстве Германии больше никто не верил в победу, и потому Финляндии “было необходимо” пересмотреть свою политику. Кроме того, Германия уже не была готова предоставлять Финляндии помощь на прежних условиях, а требовала юридически закрепить тесное сотрудничество двух стран соответствующим договором, предусматривающим в том числе отказ от сепаратных переговоров с Советским Союзом⁷.

17 августа 1944 г. с целью налаживания отношений с новым финским правительством в Хельсинки прибыл начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) фельдмаршал В. Кейтель. Маннергейм сообщил ему, что руководство Финляндии более не считало себя связанным обязательствами, данными Рюти Гитлеру. 24 августа финский посол в Стокгольме Г. Грипенберг получил указание передать в советское посольство в Швеции просьбу правительства Финляндии принять в Советском Союзе финскую делегацию, направляющуюся для ведения переговоров. 29 августа через Коллонтай было получено согласие советской стороны вступить в переговоры при условии, что финляндское правительство выполнит два предварительных требования: официально заявить о разрыве с Германией и обеспечить вывод немецких войск со своей территории до 15 сентября. Впоследствии советская сторона пойдет навстречу финляндскому правительству и смягчит второе условие: речь будет идти уже не о выводе немецких войск до 15 сентября, а лишь о начале их разоружения. 2 сентября на закрытом заседании парламента правительство Хакцеля поставило вопрос о выходе страны из войны. Большинство депутатов поддержало это предложение. В тот же день Маннергейм уведомил об этом Гитлера, а немецкому послу в Хельсинки В. Блюхеру и соответствующим военным представителям было передано требование в двухнедельный срок вывести германские войска из Финляндии. В ночь на 4 сентября 1944 г. финское правительство в официальном радиообращении сообщало, что Финляндия принимает советские предварительные условия, разрывает отношения с Германией и соглашается на вывод немецких войск к 15 сентября. Одновременно командование финской армии объявило о прекращении огня по всему фронту с 8 часов утра 4 сентября 1944 г. В свою очередь, с 8 утра 5 сентября Ленинградский и Карельский фронты по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования также закончили военные действия против финских войск. Наступило время переговоров.

Основные дипломатические документы по советско-финляндским переговорам осени 1944 г. хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации и в Архиве министерства иностранных дел Финляндии. С течением времени эти материалы, на которых долгое время стоял гриф секретности, становятся доступны для широкого круга исследователей. И хотя основное содержание советско-финляндских переговоров осени 1944 г., а тем более их результат, известны, детального освещения эта тема до сих пор не получила. Вместе с тем, знакомство с протоколами встреч делегаций, которые легли в основу данной работы, позволяет получить более полное представление о повестке переговоров и тех вопросах, с которыми делегациям пришлось столкнуться в процессе выработки окончательных условий мира. Интересной представляется и возможность проследить за выполнением обязательств, взятых на себя участниками переговоров ранее. Речь, в частности, идет о соблюдении Финляндией уже упомянутых выше советских предварительных условий мира. С финской стороны протоколы встреч делегаций велись майором Г. Энкелем (следует отметить высокую тщательность их оформления). Используются эти документы и публикуются на русском языке впервые (в переводе автора статьи). Познакомиться с первоисточником на сегодняш-

---

⁷ The Minister in Sweden (Johnson) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1944. The British Commonwealth and Europe, v. III (1944), p. 613.

ний день можно в Архиве министерства иностранных дел Финляндии (“Война 110” В 3, “Мирные переговоры в Москве осенью 1944 года”).

Финская делегация прибыла в Москву 7 сентября 1944 г. В ее состав входили: министр обороны генерал армии К. Вальден, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Э. Хейнрикс, генерал-лейтенант О. Энкель, советник Й. Ньюкопп и майор г. Энкель. Премьер-министр Финляндии Хакцель не смог приехать из-за болезни.

Интересы Великобритании представляли британский посол в СССР А. Керр, советник британского посольства Дж. Бальфур, а также секретари посольства Крусвайт, Ватсон и Бирс.

Обнаруженный в финских архивах безымянный документ с грифом “совершенно секретно” раскрывает подробности приезда финской делегации. 7 сентября 1944 г. финские парламентарии на автомобиле с большим белым флагом подъехали по дороге на Юустилу к линии фронта. В 10.30 московского времени финские переговорщики с белым флагом в руках пересекли линию фронта и сообщили советскому военному командованию о прибытии делегации. После того, как необходимые процедуры были соблюдены, делегация в промежутке между 11 и 13 ч пересекла линию фронта и выехала к перекрестку дорог на Юустилу и Выборг – Иханталу – Иматру. Там финскую делегацию уже ожидали представители советского командования, вместе с которыми представители Финляндии с близлежащего аэродрома вылетели в Москву⁸.

Непосредственно советско-финляндские переговоры начались только через неделю, 14 сентября, что было связано со стремлением советской стороны предварительно согласовать свою позицию с мнением британского и американского правительств. С 6 по 14 сентября был проведен ряд встреч советской и британской делегаций. Участие в первом заседании 6 сентября 1944 г. принял также посол США в СССР У. Гарриман, согласившийся присутствовать “при условии, что будет лишь наблюдателем”⁹.

Начиная с 6 сентября и до самого подписания соглашения о перемирии 19 сентября 1944 г. состав советской делегации не менялся: нарком иностранных дел В.М. Молотов, член ГКО маршал К.Е. Ворошилов, член Военного Совета Ленинградского фронта первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, заместители наркома иностранных дел М.М. Литвинов и В.Г. Деканозов, начальник Оперативного управления генерального штаба РККА генерал-полковник С.М. Штеменко, командир Ленинградской военно-морской базы контр-адмирал А.П. Александров.

Интересная оценка личности А.А. Жданова, игравшего в составе советской делегации одну из ключевых ролей, приводится в одной из телеграмм Гарримана в Вашингтон: Жданов – “один из самых выдающихся членов Коммунистической партии. Говорят, что у него решительный и жесткий характер. Часто его называют преемником Сталина... Включение Жданова в состав советской делегации не вызывает удивления. В последнее время он был тесно связан с советской политикой в отношении стран Балтии и Финляндии, и в какой-то степени именно благодаря его влиянию этот политический курс не претерпел изменения со времени подписания акта Молотова-Риббентропа. Говорят, в 1939 г. именно он был организатором инцидента, послужившего началом войны с Финляндией¹⁰. Вместе с Молотовым и генералом Василевским в марте 1940 г. он подписал мирный договор с Финляндией. Он также играл ведущую роль во включении Эстонии в состав Советского Союза и был там фактически советским ставленником в первые годы советской власти”¹¹.

⁸ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 В 3, ”Rauhanneuvottelut Moskovassa syksyllä 1944”.

⁹ The Ambassador in the Soviet Union (Harriman) to the Secretary of State. – Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1944. The British Commonwealth and Europe, v. III (1944), p. 618.

¹⁰ Инцидент на станции Майнила.

¹¹ The Ambassador in the Soviet Union (Harriman) to the Secretary of State. – Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1944. The British Commonwealth and Europe, v. III (1944), p. 620.

6 сентября 1944 г. состоялась встреча Керра и Гарримана с советской делегацией, представленной в полном составе. В тот день американский и британский послы уже встречались с Молотовом, который, передавая им советские условия мира, сообщил о решении своего правительства сократить размер взимаемых с Финляндии репараций в два раза, с 600 млн. до 300 млн. долларов¹². Комментируя положения предстоящего соглашения, Гарриман отмечал их сходство с теми, что были ранее прописаны в соглашении о перемирии Советского Союза с Румынией. Вместе с тем некоторые требования советского правительства для союзников были полной неожиданностью. Например то, что Москва, отказываясь от аренды полуострова Ханко, рассчитывала получить взамен Порккала-Удд, где планировалось строительство советской военной базы. Как отмечал Гарриман в своих донесениях, Ворошилов “объяснил, что передача полуострова [Порккала-Удд] не будет для финнов таким тяжелым решением, как отказ от Ханко, так как там (в Порккала-Удд. – *А.К.*) нет торгового порта”¹³. Кроме того, говоря о передаваемой Советскому Союзу области Петсамо (Печенга), советская делегация заявила, что все убытки, связанные с возможными потерями иностранных компаний, должна будет возместить финская сторона.

Американское и британское правительства, имевшие в Петсамо обширные экономические интересы (главной горнодобывающей компанией в регионе была английская “Монд Никель Ко”), очень рассчитывали на то, что западные иностранные компании смогут получить компенсации за потерю имущества и никелевых разработок. Гарриман обращал внимание Вашингтона на возможность возникновения нежелательного прецедента в случае, если Советскому Союзу удастся переложить вопрос о выплатах компенсаций на Финляндию. Американский посол был уверен, что если Москва оставалась бы непреклонной в этом вопросе, американской администрации было просто необходимо прибегнуть к более решительным мерам. Советское правительство со своей стороны предложило Великобритании подписать соответствующий договор, по которому СССР смог бы выплатить иностранным компаниям 20 млн. долларов компенсаций, которые, правда, требовалось включить в сумму взимаемых с Финляндии репараций¹⁴. Забегая вперед, следует отметить, что в ходе последующих переговоров с финской делегацией, советское правительство, очевидно, не без давления со стороны Великобритании и США, пошло навстречу Финляндии и взяло все расходы, связанные с передачей Петсамо, на себя.

Приятной неожиданностью для союзников и, в частности, для англичан, стало также решение советского руководства подписать с Финляндией именно соглашение о перемирии, которое не содержало бы никаких долгосрочных условий будущего мирного договора, даже предварительного характера. Ранее британское правительство выдвинуло в отношении советско-финляндского перемирия свои требования: 1) не включать в текст соглашения условия предстоящего мирного договора; 2) предусмотреть возможность установления прямых контактов британских членов Союзной Контрольной Комиссии с финскими властями; 3) решить вопрос выплат компенсаций иностранным компаниям в связи с передачей их собственности в Петсамо в пользование Советского Союза¹⁵. Из разговора директора департамента стран Северной Европы британского Форин офиса К. Уорнера с американским послом в Великобритании Дж. Вайнантом стало известно: ранее британские власти проинформировали советское правительство о том, что если в текст перемирия будут включены какие бы то ни было условия буду-

¹² Ibid., p. 617.

¹³ Ibid., p. 618.

¹⁴ The Ambassador in the United Kingdom (Winant) to the Secretary of State. – Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1944. The British Commonwealth and Europe, v. III (1944), p. 621, DS 740.00119.

¹⁵ The Ambassador in the United Kingdom (Winant) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1944. The British Commonwealth and Europe, v. III (1944), p. 621.

шего мирного договора, Великобритании придется консультироваться с доминионами и Индией, а Советскому Союзу – получать согласие всех 16 республик, которые по закону от 1 февраля 1944 г. обладали “правом... заключать... соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами” с иностранными государствами¹⁶.

Немаловажным для правительства Великобритании был также вопрос финляндско-японских отношений. Британская делегация требовала, чтобы Финляндия разорвала все отношения с Японией. Москва не возражала. Стремление же США обеспечить возможность скорейшего восстановления дипломатических и консульских отношений с Финляндией (США разорвали дипломатические и консульские отношения с Финляндией 30 июня 1944 г.), напротив, не находило поддержки советского руководства – оно полагало, что до полного окончания войны с Германией странам – членам ООН стоит воздерживаться от подобных контактов¹⁷.

Первая встреча советской, финской и британской делегаций состоялась поздно ночью 14 сентября 1944 г. и длилась всего лишь один час.

Переговоры проходили в известном Доме Приемов Наркомата иностранных дел, бывшем особняке Морозовой по улице Спиридоновка. Языком всех пяти встреч был русский, однако высказывания Молотова и Вальдена сразу переводились на английский язык.

Открывая встречу, председательствовавший на переговорах Молотов выразил сожаление в связи с отсутствием финского премьер-министра и сразу перешел к делу. По завершению переговоров и всех необходимых процедур финской делегации предлагалось подписать договор о перемирии с Советским Союзом и Великобританией.

До прибытия Хакцеля главой финской делегации был временно назначен генерал Вальден. Именно ему Молотов передал проект договора на русском и английском языках, а также приложения к нему. Имея обширные связи и огромное влияние в армейских и правительственных кругах, Карл Рудольф Вальден придерживался проамериканской и прошведской ориентации и ранее последовательно выступал против нормализации советско-финских отношений. Тем не менее в марте 1940 г. Вальден в качестве представителя Главной квартиры финской армии при кабинете министров во время “зимней войны” принимал самое активное участие в мирных переговорах в Москве и был хорошо знаком советской стороне.

Одним из главных вопросов, обсуждавшихся во время первой встречи, был вывод немецких войск из Финляндии. На юге страны размещались в основном тыловые, военно-морские подразделения, а также 303-я бригада штурмовой артиллерии, воевавшая ранее на Карельском перешейке. Эти части покинули Финляндию до 15 сентября. На севере же Финляндии располагалась немецкая 20-я горная армия под командованием генерал-полковника Л. Рендулича, сменившего на своем посту погибшего в авиакатастрофе генерал-полковника Э. Дитля. После прекращения огня на советско-финском фронте немцы с целью удержания Петсамо и подготовки отхода в Норвегию стали отводить войска на север Лапландии. Согласно уже упомянутым условиям перемирия, принятым финляндским правительством, если к 15 сентября немцы не выводили свои войска сами, финляндское правительство должно было предпринять меры по их разоружению и передаче союзным державам в качестве военнопленных.

“У нас нет точной информации”, – сообщил Вальден на вопрос Молотова о ситуации с выводом немецкой группировки: “Мы запросили у Хельсинки максимально точные сведения, которые придут 16 сентября, однако надо принять во внимание,

---

¹⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, т. XI. М., 1955, с. 196.

¹⁷ The Ambassador in the Soviet Union (Harriman) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1944. The British Commonwealth and Europe, v. III (1944), p. 620.

что наши отношения с Германией разорваны. Сегодня я могу только сказать, что не все немецкие войска покинули Финляндию”¹⁸.

Молотов: “Я знаю, что господин Вальден является министром обороны Финляндии, а господин Хейнрикс – главой финского Генерального штаба. Вам известно расположение не только своих, но и чужих частей на территории Финляндии. Никто другой, кроме самих финнов, не может знать об этом. Так как север Финляндии является всё же финской территорией, финны должны точно знать о положении там”.

По словам Вальдена, он вместе с Хейнриksom всю неделю находился в Москве, и хотя и получал ежедневно телеграммы из Хельсинки, они давали лишь обобщённое представление о ситуации в Финляндии. Вальден упорно ссылался на то, что точные данные он сможет предоставить советской стороне лишь на следующий день, 16 сентября.

Далее в разговор вступил Ворошилов. Он спросил: “Покинуло ли Финляндию 50% немецких войск или больше?”

Вальден ответил: “Значительно меньше, чем 50%”.

Молотов: “Мы собираем эти сведения не из любопытства. Мы представляем здесь правительства, которые несут ответственность за свои слова и обязательства. В том случае, если финская делегация нуждается в более современных средствах связи с Финляндией, их можно организовать, однако, с другой стороны, господин Вальден сам сказал, что он ежедневно получает информацию из Финляндии, а это, в свою очередь, означает, что у вас нет проблем, по крайней мере со связью. Хотел бы напомнить господину Вальдену о предварительном условии союзных держав, а именно, о том, что если немецкие войска не покинут Финляндию до 15 сентября, финны должны принять меры по их разоружению и передачи союзникам... Завтра наступает как раз то время, к которому Финляндия должна выполнить это своё обязательство. Поэтому нас интересует вопрос: приступило ли правительство Финляндии к конкретным мерам по быстрому разоружению немецких войск, начиная с 15 сентября?”

Вальден: “Разоружение немецких войск необходимо было начать только 16 сентября, 15 сентября лишь истекает время”.

Молотов: “Можно ли это понимать так, что 16 сентября вы начнете разоружение?”

Вальден: “Мы приступим к этому сразу по истечению назначенного времени [...]”.

Молотов: “Таким образом, 15 сентября – это последний день, когда немецкие войска могут покинуть Финляндию, а 16 сентября будут предприняты меры [по разоружению]? Это тем более неизбежно в связи с тем, что, как Вы правильно заметили, господин Вальден, большая часть немецких войск по-прежнему находится в Финляндии. И это не второстепенное обстоятельство, а очень важный вопрос. Если Вы говорите, что большая часть немецких войск по-прежнему осталась [в Финляндии], к мерам необходимо приступать сразу после 15 сентября”.

Вальден: “Я могу только повторить, что эти вопросы необходимо обсуждать здесь. Сегодня у нас нет возможности это сделать, так как, во-первых, наш председатель отсутствует, а во-вторых, завтра мы ждём поступления дополнительные сведения из Хельсинки”.

Молотов: “Хотел бы напомнить Вам, господин Вальден, что я не задаю тех вопросов, которые необходимо обсуждать в Москве. Я задаю только один вопрос, который касается предварительного условия, принятого правительством Финляндии. Я прочитаю Вам письмо, которое наш посол в Стокгольме мадам Коллонтай получила 5 сентября от финского посла в Швеции господина Грипенберга”¹⁹.

В письме говорилось, что никакой необходимости в предварительных обсуждениях не было: если немецкие войска оставались в Финляндии после 15 сентября, они должны были быть разоружены финскими властями и переданы союзным державам в

¹⁸ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 В 3, pöytäkirja I, s. 3.

¹⁹ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 В 3, pöytäkirja I, s. 6.

качестве военнопленных. Молотов не преминул снова напомнить Хейнриксу и Вальдену об этом обязательстве финляндского правительства.

Вальден: “Финляндия не отказывается от взятых на себя обязательств, однако, повторяю, что в соответствии с телеграммой из Стокгольма все другие вопросы необходимо решать на переговорах о перемирии в Москве. В первом ответе, полученном нами от Коллонтай, упоминалось, что если немецкие военнослужащие не покинут Финляндию до 15 сентября этого года, они сложат оружие и будут переданы союзникам. В письме не говорилось, кто будет разоружать их”.

Молотов: “Сами по себе немцы не сложат оружие. Они находятся на территории Финляндии. Финляндское правительство знало, о чем оно писало 4 сентября. Если вы отложите выполнение взятого на себя обязательства, дело примет совсем иной оборот”.

Вальден: “Здесь, должно быть, какое-то недоразумение. Мы же ясно заявили о том, что у Финляндии нет на это сил. Никакой упомянутой Вами телеграммы я не помню”.

Молотов: “Эти сведения были опубликованы всеми информационными бюро, в том числе и информбюро Финляндии... Я говорю только о предварительном условии, а не о последовавших за ним – будет действительно плохо, если вы начнете откладывать его выполнение”.

Вальден: “По моему мнению, все предварительные условия выполнены”.

Молотов: “Если немецкие войска не покинут Финляндию 15 сентября, они будут разоружены – такое обещание финляндское правительство дало всему миру”.

Вальден: “Мы этого не отрицаем”.

Молотов: “Надо принимать меры”.

Вальден: “По крайней мере, сегодня вечером мы не сможем этого сделать”.

Молотов: “Я не говорю, что это надо сделать сегодня вечером, однако [глядя на часы – *Прим. г. Энкеля*] необходимо принимать во внимание, что сегодня уже 15 сентября... Надеюсь, завтра я смогу получить от Вас более подробные сведения”²⁰.

После завершения встречи Молотов поинтересовался полномочиями делегации, на что ему передали общую доверенность от президента Финляндии.

К вопросу о выводе немецких войск вернулись на следующий день, 16 сентября. Место председателя финской делегации занял министр иностранных дел Финляндии К. Энкель. Пройдя службу в царской армии, свободно владея русским языком, а после революции став первым дипломатическим представителем Финляндии в Советской России, Энкель традиционно выступал за укрепление советско-финляндских отношений.

Молотов: “Разрешите считать нашу вторую встречу открытой. Во время нашей прошлой встречи возник вопрос, интересующий представителей обоих союзных правительств – выполнила ли Финляндия предварительные договоренности. Когда я задавал этот вопрос, господина Энкеля не было. Этот вопрос особенно нас интересует прежде всего потому, что 15 сентября уже прошло, а 16 сентября уже заканчивается, т.е. время, отведенное под вывод немецких войск, истекает. Перед финляндским правительством и финской армией стоит задача, проистекающая из сути предварительных договоренностей о том, что немцы сложат оружие и будут переданы союзникам. Таким образом, я хочу получить четкий ответ на следующий вопрос: что правительство Финляндии предпринимает для того, чтобы разоружить находящуюся в Финляндии немецкую группировку?”²¹

Энкель: “Сначала я хотел бы извиниться, что по воле случая, из-за болезни премьер-министра Хакцеля, пришлось отложить переговоры, и только сегодня я смог приехать сюда, чтобы занять его место. Направляя в Москву премьер-министра, финляндское правительство хотело показать, насколько серьезно оно относится к выполнению задачи, получившей единогласную поддержку парламента страны. Как известно, это

²⁰ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 B 3, pöytäkirja I, s. 7.

²¹ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 B 3, pöytäkirja II, s. 2.

решение предусматривает, что в случае, если немецкие военнослужащие не покинут Финляндию до 15 сентября, они будут разоружены и переданы союзным державам в качестве военнопленных. По истечении 15 сентября мы можем констатировать, что вся Южная Финляндия, по крайней мере по линии Оулуярви-Оулунйоки, полностью очищена от немецких войск. Несколько дней тому назад немцы попытались высадиться на Суурсаари, однако наши войска отразили десант, и [эта] попытка закончилась полным поражением. Мы захватили сотни немецких военнопленных. До сих пор у нас нет четкого понимания того, собираются ли немцы уходить из Северной Финляндии, однако последние полученные нами данные указывают на то, что у немцев нет таких намерений, в связи с чем финские войска готовятся к проведению операции против немецких войск в Северной Финляндии и продвижению вдоль Ботнического залива в порт города Кеми, где немцы всё еще находятся”.

Молотов: “Но ведь Кеми – финский порт. Там же есть финские власти?”

Энкель: “Кеми по-прежнему находится в руках немцев. Начальник финского Генерального штаба генерал Хейнрикс на основе последних данных составил доклад о положении в Северной Финляндии, однако, так как он не владеет русским языком, чтобы сэкономить время, представить его [доклад] нам мы бы хотели попросить генерала Энкеля [Карл Энкель имел в виду генерала Оскара Энкеля, входившего в состав финской делегации – А.К.]”.

Молотов: “Пожалуйста”.

Однако прежде чем вернуться к докладу Энкеля, нужно сказать о происшествии на о. Суурсаари. Остров Гогланд (Суурсаари) – крупнейший из островов в Финском заливе. Расположенный в самой широкой его части (40 км до финского побережья и 55 – до эстонского), до 1939 г. он принадлежал Финляндии. По условиям Московского мирного договора, завершившего “Зимнюю войну”, Гогланд был передан Советскому Союзу. В декабре 1941 г. оставленный советскими войсками остров заняли финны. В начале 1942 г. советский десант вернул его, но в конце марта финны, располагая превосходящими силами, смогли отбить его. В начале сентября 1944 г. немецкое командование, готовясь к выходу Финляндии из войны, разработало операцию “Танне Осг” (“Пихта Востока”), предполагавшую высадку немецкого десанта на острова Алаандского архипелага и ряд островов в Финском заливе. В первую очередь предполагалось занять именно Гогланд, который вместе с крупной немецкой группировкой, расположенной на соседнем острове Большой Тютерс, обеспечивал полный контроль над фарватером Финского залива. В ночь с 14 на 15 сентября 1944 г. немецкий десант численностью до 3 тыс. чел. на десятках морских судов подошел к Гогланду. Майор Миеттанен, командовавший дислоцированным на острове с апреля 1942 г. 12-м полком финской береговой артиллерии, заметив подошедшие к острову суда, отдал приказ открыть огонь на поражение. Немцы потеряли 10 судов. 150 немецких солдат и офицеров погибли, свыше 1200 человек попали в плен. Потери финского гарнизона, насчитывавшего около 1600 человек, составили убитыми 37 человек²². Бой продолжался до вечера 15 сентября. Уцелевшие германские корабли отошли к островам Большой и Малый Тютерсы, а оставшиеся на берегу немцы сложили оружие. Через три дня, 19 сентября 1944 г., в день подписания соглашения о перемирии майор Миеттанен передал немецких военнопленных советским представителям, и финские солдаты покинули остров. На следующий день морская пехота Балтийского флота с торпедных катеров высадилась на острове Большой Тютерс, спешно покинутый немцами. С 23 сентября на Гогланде были снова развернуты советские части, принимавшие участие в Таллинской операции Ленинградского фронта.

Но вернемся к докладу генерала Энкеля. Он сообщил, что к 15 сентября 1944 г., если не считать вышеупомянутого столкновения с немецким морским десантом, все немецкие войска покинули Южную Финляндию. С 7 сентября 1944 г. финское военное

²² Jatkosodan historia 6: Meri- ja ilmapuolustus, hallinto ja sotatalous, huolto ja aselajit, kotijoukot. Maanpuolustuskorkeakoulun Historian laitos (1994). Werner Söderström Oy, s. 114–119.

командование приступило к операции по выдворению немецких войск из Северной Финляндии. По словам генерала, на момент проведения переговоров штаб немецкой группировки располагался в районе Инари. Главные же силы вермахта были сосредоточены в Лапландии и Северной Карелии по линии Суомуссалми – Куусамо – Салла. Немцы стягивали свои силы в район Рованиеми и Ивало и не спешили покидать побережье Ботнического залива. В порту Кеми по-прежнему стояли немецкие корабли. Кроме того, силами усиленного полка и подразделений противовоздушной обороны немцы удерживали железнодорожные мосты между Оулу и Кеми. Это известие очень удивило советскую сторону.

Молотов: “Из этого доклада, конечно, следует, что немцам не позволили захватить новые территории, с другой стороны, однако, он не свидетельствует о том, что финны после 15 сентября предприняли какие-либо меры для разоружения немецких войск”.

Энкель: “К этому мы приступили еще несколько дней тому назад, перебросив финские войска с юго-восточного фронта на линию Соткамо-Оулунйоки”.

Молотов: “Вы же сказали, что в окрестностях Кеми находится только один немецкий полк, который и захватил прилежащие районы. Это не такая большая сила, чтобы финны не смогли ее ликвидировать, а затем захватить мосты и порт Кеми. Какие меры собираются предпринять финские войска? Может быть, генерал Хейнрикс сможет нам ответить? Что делается для того, чтобы дорога между Оулу и Кеми, по которой отступают немецкие войска, была перерезана?”

Хейнрикс: “Это последняя информация, которую мы получили. Мы не знаем, каким образом мосты попали в руки немцев, но нашим войскам, находящимся в Оулу, было приказано продвигаться через захваченные немцами мосты в направлении Кеми, последнего финского порта, остающегося под контролем немцев”.

Молотов: “Можем ли мы говорить о том, что Северная Финляндия захвачена немцами?”

Энкель: “Сейчас там нет финских войск, однако они движутся туда. За всё время войны в Северной Финляндии не было финских войск”.

Молотов: “Там даже не было финских властей?”

Энкель: “Все гражданские власти там финские, однако эта территория растянута на много сотен километров: от Рованиеми до Петсамо 500 км”.

Молотов: “В чьих руках находятся Кеми, Кемиярви и Рованиеми, финских или немецких?”

Энкель: “Безусловно, финских, так как немецкие войска не пребывают там в качестве оккупантов, хотя, конечно, как и раньше у них там есть базы. В той ноте, которую мы 2 сентября передали немецкому послу, я заявил, что дальнейшее пребывание немецких войск в Финляндии не санкционировано. Финское правительство потребовало от немецкого правительства вывести войска из Финляндии”.

Молотов: “Можно ли считать нормальным, что хотя правительство Финляндии обязалось разоружить немецкие войска, находящиеся в Финляндии после 15 сентября, соответствующие меры предприняты не были, и финские власти продолжают поддерживать с немцами дружественные отношения? Разве это не противоречит обязательствам, взятым на себя правительством Финляндии? Действительно, странная ситуация”.

Энкель: “Что касается разоружения немецких войск на севере страны, прошу отметить, что в соответствии с требованием советского правительства [Молотов пребывает: и правительства Великобритании – *Прим. Г. Энкеля*], а также правительства Великобритании, изначально переданного нам через Коллонтай, мы должны были сообщить немцам, что в случае, если они не покинут Финляндию до 15 сентября, они будут разоружены и переданы союзным державам в качестве военнопленных. В ответ мы честно признались, что наше положение в Северной Финляндии таково, что нам не по силам разоружить немецкие войска. Нам сообщили, что это от нас не требуется, и [данный вопрос] будет обсуждаться по прибытии финской делегации в Москву. По поводу разоружения немецких военнослужащих нам сообщили, что их начнут раз-

оружать и передавать союзникам, однако не уточнялось, что это будет осуществлено финскими силами. Такого требования союзные державы не выдвигали по отношению Финляндии, так как знали, что она на это просто не способна. На этом основании мы и потребовали от немцев вывести свои войска из страны. Я еще раз подчеркиваю, что нигде не говорилось, чьими силами будут разоружаться немецкие войска, и это, в частности, обговаривалось с советским посольством в Стокгольме. Считаю своим долгом обратить внимание на данное обстоятельство и прошу вас верить в стремление финляндского правительства выполнить взятые на себя обязательства. Что касается вашего замечания о том, что после 15 сентября поддерживаются дружественные отношения между немцами и финнами, это не соответствует действительности. Наоборот, немецкий посол в Финляндии фон Блюхер сообщил мне, что немецкое правительство крайне возмущено занятой нами позицией”.

Молотов: “Это нас не интересует”.

Энкель: “После 15 сентября между финнами и немцами не было никакого сотрудничества. Случай на Суурсаари показывает, какими на самом деле являются наши отношения”²³.

Здесь финская делегация была не совсем честна. Хотя три финские дивизии в течение 13–25 сентября и были переброшены на север к Оулу и Каяани, они не вступали в вооруженные столкновения с отступавшими немецкими войсками. Представители финского и немецкого командования провели тайные переговоры в Рованиemi и договорились согласовать продвижение финских войск с графиком вывода немецкой армии. 19 сентября финны перешли в наступление. Немцы, отходя со своих позиций, уничтожали мосты и минировали дороги, чтобы “затормозить продвижение финнов”, как и было согласовано ранее в Рованиemi. Только после того, как 26 сентября генерал-майор Х. Сииласвуо, возглавивший 3-й армейский корпус, объединивший все финские силы на севере, прибыл в Оулу, контакты со штабом 20-й немецкой горной армии были прекращены²⁴.

Молотов: “Нас интересует только одно – чтобы обязательства, взятые на себя финляндским правительством, честно выполнялись. После 15 сентября прошли уже целые сутки, в течение которых финны должны были приступить к разоружению немецких войск. Мы не отказывались и сейчас не отказываемся от предоставления вам помощи, однако мы спрашиваем вас, сложила оружие хотя бы одна немецкая рота, хотя бы несколько немцев?”

Энкель: “После 15 сентября финское военное командование готовится к разоружению оставшихся на территории Финляндии немецких формирований, свидетельством чему является продвижение финских войск на север. Когда удастся вступить в соприкосновение с немцами, мы попытаемся их разоружить. Однако, как считают и члены правительств союзных держав, поход финской армии против седьмой немецкой дивизии будет крупной военной операцией, которую невозможно провести за несколько дней – она требует масштабных технических приготовлений. Еще раз повторюсь, мы готовимся к этому походу, однако разоружения крупных немецких сил не стоит ожидать от нас сразу по истечению указанного времени”.

Молотов: “Я понял сказанное вами следующим образом: во-первых, финляндское правительство собирается разоружить немецкие войска; во-вторых, финляндское правительство приступило к мероприятиям по разоружению и, в-третьих, непосредственного разоружения финляндское правительство еще не начало. Хотел бы попросить господина Энкеля поправить меня, если я что-то не так понял”.

Энкель: «Технически разоружение можно осуществить только после того, как немецкие войска сложат оружие. Сначала немцам необходимо сдаться, а затем начнется разоружение. Однако немцы готовятся к обороне. Я могу сообщить вам: когда я заявил послу Блюхеру о том, что немцы должны сложить оружие, он ответил следующее:

²³ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 B 3, pöytäkirja II, s. 6.

²⁴ <http://www.rajjajoki.com/lapland.htm>

“Это будет стоить много крови”. Командующий немецкими войсками в Северной Финляндии также шуточно добавил: “Битва в Северной Финляндии будет кровавой, так как и финские солдаты, и немецкие – прекрасные воины”.

Молотов подытожил: “У председателя финской делегации нет сведений, что хотя бы один немецкий солдат сложил оружие”.

Энкель: “Это уже обвинение”.

Молотов: “Это факт. Возможно, за это стоит поблагодарить финляндское правительство, однако в любом случае это является фактом”.

Энкель: “У нас нет уверенности по поводу этого вопроса, однако мы можем смело сказать, что на сегодняшний день у нас нет информации”²⁵.

Вопрос о выдворении немецких войск поднимался и во время последующей, третьей, встречи делегаций 17 сентября 1944 г. Финская сторона была согласна воспользоваться помощью Красной Армии, но только в районе Петсамо. Советскую делегацию такая позиция совершенно не устраивала.

Молотов: “Что ж на самом деле происходит? Немцы убегают, а вы ничего не делаете? И мы ничего не сможем сделать, так? Немцам предоставлены уже все удобства для отступления?”

После этого Молотов сообщил, что днем ранее советским войскам пришлось перейти государственную границу Финляндии, так как финская армия к активным мерам по разоружению немцев так и не приступила, а финская делегация по-прежнему ссылалась на нехватку информации. Советский нарком отметил, что немецкое радио, “которое наверняка слушают и в Финляндии”, уже сообщило: немецким войскам потребуется до 20 суток, чтобы покинуть Финляндию через Ботнический залив, и от 30 до 35 – чтобы перейти из Северной Финляндии в Норвегию. По словам Молотова, Советский Союз не собирался откладывать принятие активных мер до тех пор, пока немцы не использовали бы предоставленные им условия и успешно закончили вывод своих войск²⁶.

Энкелю было трудно что-либо возразить. Он по-прежнему ссылался на трудности подготовки военного похода против немцев и отсутствие информации.

С вопросом изгнания немцев из Лапландии финская делегация стремилась увязать и проблему демобилизации финской армии. По мнению Энкеля, противоречие заключалось в том, что с одной стороны, от финских войск требовали начать демобилизацию, а с другой – разоружить немецкие войска.

Энкель: “До тех пор, пока нам необходимо разоружить немцев, мы не можем демобилизоваться”.

Молотов: “Вы хотите заставить 7-ю немецкую дивизию сложить оружие силами всей финской армии? Сколько месяцев вам на это потребуется? Немцы сами говорят, что для того, чтобы покинуть Финляндию им необходимо от 30 до 35 дней. Молотов зачитывает слова Гитлера: “Для вывода из Финляндии немецким войскам потребуется 20 суток на то, чтобы выйти к Ботническому заливу, и 30–35 суток, чтобы достигнуть границы Северной Финляндии и Норвегии”. На демобилизацию финской армии отводится 2,5 месяца – достаточное время для того, чтобы разоружить немцев и демобилизоваться”.

Хейнрикс: “Наша цель не только обратить немцев в бегство, но и вынудить их сложить оружие, что представляет собой операцию, провести которую непросто. Мы затронули этот вопрос не потому, что такую задачу невозможно выполнить, а потому, что хотели бы, чтобы время, отведенное на демобилизацию, не было столь жестко фиксировано”²⁷.

Открывая 18 сентября 1944 г. четвертое, заключительное заседание, Молотов вновь поинтересовался тем, как продвигается разоружение немецкой группировки. Энкель сообщил, что по поводу событий предыдущего дня финская делегация еще

²⁵ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 B 3, pöytäkirja II, s. 9.

²⁶ Ibid., pöytäkirja III, s. 9.

²⁷ Ibid. pöytäkirja III, s. 12.

не успела получить никаких сведений. Тогда Молотов поделился с присутствующими “маленькой новостью”. По его словам, немецкое информационное агентство “Трансокеан” 18 сентября передало из Берлина следующую информацию: “Вывод немецких войск со старой, три года существовавшей линии фронта в направлении Канталахти завершен. В связи со спасением немецких войск германское военное командование напоминает о тех чинимых советской армией трудностях, с которыми немецкие войска столкнулись во время своего отхода. С помощью широкомасштабных маневров советские войска пытались окружить немецкую группировку с севера”.

Молотов: “Дальше идет самая интересная часть сообщения. “В результате слаженного взаимодействия с финскими властями, а также вследствие хорошо организованных военных мероприятий немцам удалось в максимально короткое время эвакуировать всё имущество, а также вывести или уничтожить всё военное оборудование”. Таким образом, то, о чем умалчивают члены финской делегации, стало известно благодаря немецким средствам массовой информации”²⁸.

Одним из наиболее сложных вопросов на переговорах была тема территориальных уступок. Соглашение о перемирии восстанавливало советско-финляндскую границу 1940 г. с учетом следующих территориальных изменений. Финляндия возвращала Советскому Союзу область Петсамо, а Советский Союз отказывался от аренды полуострова Ханко. Финляндия со своей стороны в течение десяти дней с момента подписания соглашения обязывалась предоставить Советскому Союзу на правах аренды сроком на 50 лет территорию и водные пространства в районе Порккала-Удд для создания военно-морской базы. Сумма ежегодной арендной платы составляла 5 млн. финских марок.

Еще во время третьего заседания делегаций Энкель выразил желание подробнее обсудить те пункты соглашения, которые, по мнению финской стороны, непосредственно затрагивали независимость Финляндии и ее экономику. Он заявил, что хотя при подписании мира финское руководство готово было идти на большие жертвы, оно “не оставляло надежды, что советское правительство будет по-прежнему придерживаться принципа независимости Финляндии, озвученного им еще в 1917 году”. Так как советско-финляндская граница 1940 г., по словам Энкеля, была проведена без учета “законных экономических интересов” Финляндии, финская делегация обращалась с просьбой на этот раз принять во внимание “эти незначительные обстоятельства”. Речь шла, во-первых, о статусе Сайменского канала, вновь разделенного новой границей на финскую и советскую части, а во-вторых, о необходимости возврата Советскому Союзу области Петсамо, что, по мнению финнов, шло вразрез с условиями Тартуского договора 1920 г. (по Тартускому договору между РСФСР и Финляндией к Финляндии отошла Печенгская область (Петсамо), а Финляндия отказалась от территориальных претензий в советской Карелии). Энкель обращал внимание советской и британской делегаций на то обстоятельство, что еще в 1940 г. советское правительство подчеркивало: для того, чтобы Финляндия обрела статус не только прибалтийского, но и в полном смысле слова “северного государства”, ей необходимо предоставить выход к Северному Ледовитому океану²⁹.

Наконец, третий вопрос, по мнению финской стороны, затрагивавший интересы Финляндии более всего, был связан с необходимостью передачи Советскому Союзу в аренду полуострова Порккала-Удд. В связи с этим Энкель обращал внимание на то, что в соответствии с предварительными условиями перемирия, переданными Финляндии в марте 1944 г., СССР был готов отказаться от аренды полуострова Ханко с прилегающей к нему морской территорией, если Финляндия принимала остальные условия. С помощью прилагавшейся к соглашению карты Энкель пытался объяснить, что строительство советской военно-морской базы в Порккала-Удд разорвет морское и сухопутное сообщение между двумя крупнейшими городами Финляндии – Хельсинки и Турку.

²⁸ Ibid., pöytäkirja IV, s. 2.

²⁹ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 B 3, pöytäkirja III, s. 3.

Кроме того, арендуемая Советским Союзом территория, по словам финской стороны, имела огромное сельскохозяйственное значение. Энкель уверял, что объяснить финскому обществу необходимость передачи Порккала-Удд исключительно соображениями военного характера было крайне сложно. В Финляндии такое решение было бы воспринято как политическое. Оно могло бы сказаться на суверенитете финляндского государства. Энкель напомнил присутствовавшим, что вопрос о Порккала-Удд уже рассматривался на переговорах в Москве в октябре 1939 г.: “Тогда ныне действующий председатель Совета народных комиссаров³⁰ проявил личную заинтересованность в этом вопросе и на переговорах заявил финской делегации о своем полном понимании того, что близость Порккала-Удд к Хельсинки, безусловно, затрагивает интересы Финляндии, в связи с чем он даже не планировал выдвигать подобного требования, так как существовали и другие способы обезопасить подступы к Ленинграду со стороны Финского залива”. Угроза того, что требования Советского Союза будут восприняты в качестве политического ультиматума, по мнению Энкеля, препятствует реализации главной цели заключения мира – развитию добрососедских отношений между двумя странами. В конце своего заявления финский министр иностранных дел отметил, что требования экономического характера, и прежде всего 300 млн. долларов репараций, значительно превышают возможности Финляндии и могут отрицательно сказаться на ее суверенитете. “Если сравнивать это требование с той суммой репараций, которую Германии необходимо было выплатить после Первой мировой войны по плану Дауэса, как оказалось, превышавшему и ее возможности, то можно отметить, что репарации, о которых речь идет сейчас, в два раза более тяжкие, если во внимание принять маленькое население Финляндии”, – заметил Энкель³¹.

В ответ Молотов заявил, что хотя советское правительство прекрасно помнило о своих ранее сделанных заявлениях, было невозможно игнорировать “тот опыт, который Советский Союз приобрёл в отношениях с Финляндией”. По мнению наркома иностранных дел, не успел СССР подписать в 1940 г. “устраивающий его мирный договор с Финляндией”, как уже спустя год она вновь начала войну.

Молотов: “В довоенные 1938–1939 годы советское правительство, получая взамен гораздо меньше, готово было пойти на значительные уступки Финляндии, однако это ни к чему не привело, в чем также нет вины советского руководства... Война 1939 г. продлилась три месяца только потому, что мы не хотели воевать с Финляндией, потому как если бы у нас и вправду были бы такие намерения, поверьте мне, господин Энкель, война не длилась бы три месяца”.

По словам Молотова, с момента подписания в 1940 г. советско-финского мирного договора и в течение всех последующих военных лет Финляндия проявляла исключительную преданность гитлеровской Германии, “которая является врагом всех миролюбивых государств”.

Молотов: “Я не хочу говорить о вине финского руководства, о планах покорения советской Восточной Карелии и создания “Великой Финляндии” до Урала, так как подобные планы вызывают только смех, и к ним нельзя относиться серьезно”.

На это финский министр поспешил заявить, что ответственные финляндские политики никогда всерьез не относились к подобным планам, и что Финляндия лишь стремилась обеспечить свой суверенитет и независимость. “Кроме того, хочу заявить, что с финской стороны по Ленинграду не было произведено ни одного выстрела”.

Молотов: “Это не соответствует действительности”³².

В отношении же требований Советского Союза и Великобритании Молотов отметил, что сама Финляндия принесла советскому народу несравнимо большие несчастья: “Страдания только жителей осажденного Ленинграда по своим масштабам не могут сравниться с теми условиями, которые должно выполнить финляндское пра-

³⁰ В 1944 г. Совнарком СССР возглавлял И.В. Сталин.

³¹ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 В 3, pöytäkirja III, s. 6.

³² Ibid., s. 8.

вительство... Мы должны помнить, во сколько такая политика обошлась нам, вашим соседям, и самому финскому народу”.

По словам Молотова, условия, предъявляемые Финляндии в сентябре 1944 г., должны были в любом случае отличаться от мартовских: “Пролилось столько крови, в том числе крови финского народа, что было бы странным, если бы это прошло бесследно на том лишь основании, что тогда вы просто не захотели принимать наши условия... Советское и британское правительства договорились об этих условиях и считают их минимальными”.

Энкель: “В связи с этим пунктом я бы хотел привлечь ваше внимание к ответному заявлению финской делегации, которое она была вынуждена сделать в связи с вашими новыми требованиями. Передача Порккала-Удд будет открытой раной на теле Финляндии, которая никогда не заживет”.

Молотов: “От имени советского правительства я должен сделать следующее заявление: как следует из восьмого пункта [соглашения о перемирии], Советский Союз отказывается от всех прав в отношении Ханко. Ханко был необходим Советскому Союзу по определенным причинам, и прежде всего в связи с вопросом безопасности Ленинграда. Владея Ханко и Палдиски, Советский Союз мог перекрыть вход в Финский залив. Отказываясь от Ханко, советское правительство действует в соответствии с пожеланиями Финляндии, однако вопрос безопасности Ленинграда остается открытым, а безопасность, очевидно, зависит от того, сможет ли противник проникнуть в Финский залив или нет. Мы по-прежнему считаем важным то обстоятельство, что Ленинград необходимо защитить от незваных немецких гостей. Как знают уважаемые члены финской делегации, самое узкое место Финского залива располагается между Порккала-Удд и Найсаари³³, и именно это место лучше всего подходит для защиты Ленинграда от угрозы с моря. В Финском заливе нет более узкого места, и потому задача обеспечения безопасности Ленинграда обязывает нас поднять вопрос о создании военно-морской базы в Порккала-Удд, чтобы исключить возможность любого нападения на Ленинград со стороны Финского залива. К сожалению, в Порккала-Удд нет порта, и Советскому Союзу придется пожертвовать огромные суммы на его строительство, однако даже это не позволяет нам отказаться от Порккала-Удд. Отказываясь от Ханко, мы не можем отказаться от контроля над бутылочным горлышком Финского залива. Это наше требование объясняется исключительно соображениями безопасности Ленинграда и ничем иным. Я могу только добавить, что эта война еще больше, чем мы думали, показала, насколько важно обезопасить Ленинград”.

Энкель: “В своей вступительной речи я уже упомянул переговоры 14 октября 1939 г., во время которых председатель Совета народных комиссаров признал, что передача Порккала-Удд будет для Финляндии огромной потерей и поднял вместо этого вопрос о Ханко. Для Финляндии передача Ханко была бы во многих отношениях проще, чем передача, располагавшейся в непосредственной близости от столицы Порккала-Удд, аренда которой разорвала бы связи между Хельсинки и Турку, а также между Хельсинки, важнейшим портом нашей страны, и побережьем. Поэтому мы любезно просим вас отнестись к вопросу о передаче Порккала-Удд так же, как и в 1939 г. Я не хочу вступать в полемику, однако замечу, что хотя шесть месяцев назад Советский Союз был готов отказаться от аренды Ханко, ваши условия не предусматривали создания второй военно-морской базы”.

Молотов: “Я могу ответить коротко, без долгих речей. Вы ссылаетесь на 1939 год, однако сейчас у нас 1944-й. Со времен тех событий, о которых Вы упоминали, прошло почти пять лет, из которых Финляндия воевала с Советским Союзом. Как вы можете ссылаться на то, что было пять лет назад, но забывать, что три с половиной года вы воевали против СССР? За это время мы, конечно же, научились понимать нашего соседа и его политику гораздо лучше, чем раньше, и сейчас не может быть и речи о чем-то ином, кроме того, о чем мы просим. Это всё, что я хотел вам сказать”.

---

³³ Остров Найссаар.

Энкель: “Еще пару слов. Я ссылаюсь на ваши собственные слова о том, что единственной целью Советского Союза является обеспечение безопасности Ленинграда. У этой цели нет ничего общего с наказанием Финляндии”.

Молотов: “Нам, конечно, надо было потребовать от Финляндии большего, однако мы довольствуемся минимумом. Если бы на месте Советского Союза была бы Германия, ваш вчерашний друг, условия были бы совершенно иными, и тогда вы бы почувствовали разницу между Советским Союзом и Германией”.

Энкель: “Позвольте мне задать один конкретный вопрос: можете ли вы довольствоваться Ханко вместо Порккала-Удд?”

Молотов: “Не можем, так как наше военное и военно-морское командования требуют Порккала-Удд”.

Энкель: “У меня нет полномочий, чтобы удовлетворить ваше требование. Решение зависит не от нас”.

Молотов: “Вы можете вернуться в Финляндию, да и вообще можете закончить эти переговоры, если считаете, что они не отвечают вашим целям”.

Энкель: “Я лишь хотел сказать, что не обладаю полномочиями, чтобы соглашаться с подобными ультиматумами. Мне нужно получить инструкции своего правительства”³⁴.

К обсуждению вопроса финская делегация возвращается и во время четвертого заседания 18 сентября 1944 г.

Энкель: “Район, передаваемый в аренду для создания военно-морской базы в Порккала-Удд, составляет значительную территорию и, как я уже говорил ранее, разрывает железную дорогу Хельсинки-Турку, и включает в себя значительные площади сельхозугодий. Мы просим, чтобы та территория, которая не будет использоваться под базу, была сокращена и не разрывала железную дорогу [показывает на карте передаваемой в аренду территории. – Прим. Г. Энкеля]. Может быть, вы удовлетворитесь более маленьким районом?”

Молотов: “Мы не можем принять никаких поправок по отношению к данной статье”.

Энкель: “Во втором пункте восьмой статьи³⁵ говорится, что Порккала-Удд будет передана в ваше пользование и управление в течение десяти дней с момента подписания перемирия. Мы просили бы вас, чтобы это условие касалось только островной части территории, а о сроках передачи северной оконечности полуострова мы бы договорились позднее. Мы бы хотели получить два месяца на то, чтобы частные предприниматели и фермеры смогли покинуть этот район”.

Молотов: “В 1940 г. мы договорились, что передача полуострова Ханко также будет длиться 10 дней, и это условие было выполнено. Хотел бы Вам напомнить, господин Энкель, что финны уничтожили так много наших городов и деревень, что Порккала-Удд – ничто по сравнению с ними. Финнам необходимо передать нам Порккала-Удд без всяких отлагательств”³⁶.

Следующим вопросом, на который финская делегация сочла нужным обратить особое внимание, была передача Советскому Союзу области Петсамо (Печенга). Правами на разработку никелевых месторождений в регионе обладала английская горнодобывающая компания “Монд Никель Ко”, и финские власти стремились обезопасить себя от исков с ее стороны.

Энкель: “Никелевые рудники были построены в наше время и использовались в соответствии с договором, подписанным финляндским правительством и компанией Монд Никель Ко. Упомянутая компания может выставить нам требование возмещения убытков, в связи с чем мы хотели бы заранее сообщить, что из-за потери разработок, финское государство их не сможет выплатить”.

³⁴ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 В 3, pöytäkirja III, s. 16.

³⁵ Приложение к 8-й статье соглашения о перемирии, 2-й пункт.

³⁶ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 В 3, pöytäkirja IV, s. 6.

Молотов: “Советское правительство согласно взять на себя все долги и требования, и мы, конечно, договоримся об этом вопросе с Великобританией, не так ли, господин Керр?”

Керр: “Совершенно верно”³⁷.

Чрезвычайно важное значение для финской стороны имел 3-й пункт соглашения о перемирии, по которому для проведения военно-воздушных операций против немецких войск в Эстонии и на Северной Балтике Финляндия передавала Советскому Союзу аэродромы на своем южном и юго-западном побережье. В приложениях к окончательному варианту соглашения советское командование должно было указать интересующие его аэродромы и оборудование, которое должно было на них находиться.

Энкель: “Подразумевается ли, что аэродромы будут переданы в ваше пользование только на время этой войны?”

Молотов: “Конечно”.

Энкель: “А оборудование аэродромов? Как нам сообщили, перед уходом немцы взорвали аэродром Пори, а финские инженеры смогли спасти лишь часть оборудования”.

Финская сторона боялась, что если бы оснащение аэродромов, список которого Советский Союз должен был составить, фактически отсутствовало, правительству Финляндии пришлось бы нести дополнительные расходы по его закупке.

Энкель: “Когда мы говорим о том, что аэродромы со всем оборудованием передаются в ваше пользование, у нас есть опасение, что в связи с тем, что часть оборудования может отсутствовать, вы предъявите нам дополнительные требования. Советский Союз, таким образом, сможет потребовать от нас покупки нового оборудования, хотя его на самом деле могло никогда и не существовать. В этом вопросе необходимо доверять друг другу, и когда мы сообщаем вам, что на некоторых немецких аэродромах нет никакого оборудования, мы просим, чтобы вы поверили нам”.

Молотов: “Это не вызывает у нас никаких возражений... Всё то, что было на аэродромах, должно по-прежнему там оставаться”.

Энкель: “Получим ли мы для аэродромов новое оборудование, если его будет не хватать или если вам не понравится наше?”

Молотов: “Мы не требуем ничего невозможного”³⁸.

Явную озабоченность финской стороны вызывал также вопрос протяженности побережья, на котором эти аэродромы располагались.

Энкель: “Когда в третьем пункте [соглашения о перемирии] речь идет о южном и юго-западном побережье, хотел бы уточнить, насколько глубоко простирается эта территория”.

Молотов: “Южная Финляндия простирается до Оулу”.

Энкель: “О какой глубине идет речь?”

Молотов: “Мы не собираемся проникать глубоко внутрь страны”.

Энкель: “Касается ли этот пункт всех аэродромов, находящихся в этом районе?”

Молотов: “Тех, которые потребуются”³⁹.

Позднее финская сторона предложила оговорить в соглашении конкретную ширину побережья.

Энкель: “Мы бы хотели, чтобы в третьей статье [соглашения о перемирии] глубина береговой зоны была определена более точно, например, 50 км”.

Молотов: “Не считаю это необходимым. Речь идет только о тех аэродромах, которые потребуются в операциях против немцев в Эстонии и на Северной Балтике. Наши военные представители могут назвать их позднее”⁴⁰.

Согласно положениям соглашения, вплоть до окончания войны против Германии союзные военные корабли и торговые суда получали право пользования территориаль-

³⁷ Ibid., pöytäkirja III, s. 14.

³⁸ Ibid., pöytäkirja III, s. 11.

³⁹ Ibid., pöytäkirja II, s. 10.

⁴⁰ Ibid., pöytäkirja IV, s. 4.

ными водами, портами, пристанями и якорными стоянками Финляндии. Во избежание возможных дополнительных расходов со стороны своего правительства, финская делегация стремилась сделать содержание статей соглашения максимально прозрачными.

Энкель: “Что подразумевается во втором пункте третьей статьи⁴¹ “окажет содействие [финляндское правительство] по материально-техническому обслуживанию”? Если речь идет, например, о судовых доках, то большинство их находится в частном владении, и за их передачу необходимо будет выплатить денежные компенсации. Какое правительство возьмет на себя эти расходы? Финляндское или советское?”

Молотов: “Я отвечаю на этот вопрос. При составлении этого пункта мы исходили из того, что финляндское правительство заплатит за подобное обслуживание, однако есть и второй вариант, как мы, например, поступили с Румынией. В этом случае союзные державы получают необходимую сумму от финляндского правительства и потом смогут уже сами перечислять средства частным владельцам”.

Энкель: “Будут ли эти суммы таким образом включены в счет репараций, которые Финляндия должна выплатить?”

Молотов: “Не будут. Эти деньги необходимо будет выплатить помимо репараций, так же, как предусмотрено соглашением с Румынией”.

Энкель: “Однако между Финляндией и Румынией есть маленькая разница: Румыния продолжает войну, а мы ее закончили”.

Молотов: “Разница лишь в том, что Румыния помогает нам в этой войне, а от Финляндии мы этого не требуем”⁴².

Вопрос репараций занимал одно из центральных мест. Финляндия обязывалась выплатить Советскому Союзу 300 млн. долларов с погашением суммы в течение шести лет товарами (лесные материалы, бумага, целлюлоза, морские и речные суда, различное машинное оборудование).

Энкель: “Я хотел бы представить отчет, подготовленный нашими экономистами, из которого следует, что требуемые от нас репарации в размере 300 млн. долларов превышают нашу платежеспособность”.

Молотов: “Если ваши специалисты подсчитали, что один год войны вам выгоднее, чем год мира, тогда мы все-таки прочитаем ваш отчет. В противном случае нам это неинтересно”.

Энкель: “Тем не менее наши экономисты доказали, что возмещение ущерба товарами в течение пяти лет совершенно невозможно. Если Советский Союз потребует возмещения ущерба, мы могли бы взять долгосрочный кредит. Если вы позволите Финляндии расплатиться в американских долларах, нам необходимо будет занять нужную сумму. Возможно ли бы было сократить число репараций, выплачиваемых товарами, и договориться, что часть суммы будет выплачена деньгами? Есть, конечно, и другая возможность – увеличить срок выплаты репараций”.

Молотов: “На это я могу ответить, что эта сумма сможет возместить лишь малую долю того ущерба, который Финляндия нанесла Советскому Союзу. Согласиться на меньшее мы не можем”.

Энкель: “Можете ли вы тогда пойти на то, чтобы часть репараций была выплачена товарами, а часть – деньгами?”

Молотов: “Из-за Германии и Финляндии наша экономика сейчас испытывает сложности”⁴³.

Энкель: “Так как у нас, действительно, огромные трудности, возможно ли продлить срок выплаты, например, лет на десять. Вторым выходом было бы начать отсчет этого пятилетнего срока не с момента подписания соглашения, а, к примеру, через два

⁴¹ Имеется в виду приложение к 3-й статье соглашения о перемирии, 2-й пункт.

⁴² Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 B 3, pöytäkirja IV, s. 4.

⁴³ Ulkoasiainministeriön arkisto, Sota 110 B 3, “Rauhanneuvottelut Moskovassa syksyllä 1944”, pöytäkirja III, s. 18.

года. В современных условиях нам крайне сложно выполнить это обязательство. Необходимо принимать во внимание тяжелое экономическое положение Финляндии”.

Молотов: “О сложностях, связанных с выполнением этого пункта, необходимо было думать, вступая в войну. Сейчас слишком поздно”⁴⁴.

Несмотря на то, что переговоры проходили напряженно, стремление советской делегации закончить их как можно быстрее возымело успех, и они, как и было запланировано, завершились к полудню 19 сентября. Свои подписи под соглашением о перемирии поставили А.А. Жданов и К. Энкель. По словам Н.И. Барышникова, “то, что с советской стороны эту миссию было поручено выполнять А.А. Жданову как одному из руководителей обороны Ленинграда, являлось весьма красноречивым”⁴⁵. Жданов же возглавил и Союзную Контрольную Комиссию, начавшую вскоре свою деятельность в Хельсинки.

Союзная Контрольная Комиссия прибыла в Финляндию 22 сентября 1944 г. В нее вошло 200 представителей Советского Союза и 15 – Великобритании. Сразу же после своего прибытия Комиссия потребовала от финляндского правительства принятия более решительных мер по разоружению находящейся на севере Финляндии немецкой группировки. Несмотря на подписанное соглашение, финны не спешили с выполнением взятых на себя обязательств. К активным боевым действиям против немецких войск финское военное командование приступило лишь 1 октября 1944 г., когда финский морской десант высадился в Торнио, а затем развернул наступление на контролируемый немцами Кеми. Спустя несколько дней командующий 20-й немецкой горной армией Л. Рендулич отдал приказ об уничтожении финских городов, положив начало самому ожесточенному этапу битвы за Лапландию. 16 октября Жданов потребовал от Маннергейма ускорить разоружение немецких войск. Лишь к 1 ноября во многом благодаря активным действиям советских войск, преследовавших отступавшие немецкие силы в районе Петсамо, финской армии удалось окончательно изгнать немцев из Финляндии.

10 февраля 1947 г. в Париже состоялось подписание мирного договора с Финляндией. Свои подписи, кроме представителя СССР, поставили представители Австралии, Великобритании, Индии, Канады, Новой Зеландии, Чехословакии, Южно-Африканского Союза, т.е. всех государств, формально находившихся в состоянии войны с Финляндией.

Необходимо отметить, что Финляндия выполнила все взятые на себя обязательства и среди бывших союзников гитлеровской Германии была единственной страной, выплатившей репарации в полном объеме. Выплата репараций началась в конце 1945 г. и продлилась восемь лет. В счет репараций Финляндия отправляла в Советский Союз продукцию деревообрабатывающей отрасли, машиностроения и металлообработки. В общей сложности СССР получил 535 различных судов, 52 500 электромоторов, 1140 трансформаторных станций, 30 готовых заводов вместе с электростанциями. Огромную часть репарационных товаров составляло железнодорожное оборудование – Финляндия поставила Советскому Союзу 728 локомотивов. Летом 1948 г. сумма репараций была снижена до 226,5 млн. долларов. Последний репарационный поезд в СССР отправился с приграничной финской станции Вайниккала 18 сентября 1952 г.

Советскому Союзу была передана область Петсамо, а также все территории, принадлежавшие СССР по мирному договору марта 1940 г. Так, уступаемая Финляндией часть Карельского перешейка вошла в состав Ленинградской области в ноябре 1944 г. 19 сентября 1944 г. Петсамо (Печенга) вошла в состав Мурманской области РСФСР. Задача демаркации новой советско-финляндской границы была возложена на Союзную Контрольную Комиссию.

До 1956 г. в Порккала-Удд располагалась советская военно-морская база. 26 января 1956 г. полуостров был возвращен Финляндии. Этому предшествовал визит в

⁴⁴ Ibid., s. 7.

⁴⁵ Барышников Н.И. Указ. соч., с. 228.

Москву президента Финляндии Ю.К. Паасикиви и премьер-министра У. Кекконена, во время которого было подписано соглашение об отказе Советского Союза от прав на использование территории Порккала-Удд и выводе оттуда советских войск.

Американский историк Р. Берри считает события сентября 1944 г. началом новой эры финской внешней политики. По его мнению, с 1918 по сентябрь 1944 гг. Финляндия пыталась стать западноевропейским государством, которое, несмотря на свою непричастность к конфликтам в Западной Европе, в столкновениях между Востоком и Западом не всегда оставалось нейтральным. “В 1944 году спасение было возможно только через примирение с Советским Союзом. Финляндии не удалось добиться безопасного положения на политической периферии Западной Европы. Ей пришлось вновь искать себе место на стыке Восточной и Западной Европы, которое позволило бы сохранить неформальные экономические и культурные связи с капиталистическим Западом, не вступая более в противоречия с советскими соображениями безопасности”⁴⁶.

Советское руководство также стремилось к миру. По мнению Р. Берри, Советский Союз добивался переговоров с Финляндией больше, чем с каким-либо иным союзником Германии. Историк полагает, что во многом это объяснялось тем, что Советский Союз “испытывал уважение к финской независимости” с того самого момента, как столкнулся с «единой и решительной Финляндией во время “Зимней войны”».

В конечном итоге “слабеющая Германия и Соединенные Штаты, не пожелавшие становиться противовесом Советскому Союзу, не оставили Финляндии иного выхода, кроме как играть на потенциальном советском чувстве уважения к финскому суверенитету”⁴⁷.

Однако было бы ошибочным полагать, что западные державы отвернулись от Финляндии. Тот факт, что осенью 1944 г. представители США отсутствовали на советско-финляндских переговорах, а участие в них Великобритании можно назвать формальным, объяснялся исключительно тем, что свои основные позиции Москва сумела согласовать с союзниками заранее. Советское правительство учло интересы западных держав, предоставив, в частности, гарантии по выплате компенсаций иностранным компаниям, владевшими собственностью в Петсамо. После этого в переговорах с Финляндией Советский Союз чувствовал себя вполне свободно и в пределах оговоренных с союзниками границ добивался от финляндского правительства тех условий мира, которые его руководство считало необходимыми. С другой стороны, Великобритания и США в определенной степени повлияли на позицию СССР, добившись, например, сокращения размеров репараций. В итоге Финляндии оказалось обеспечено исключительное положение по сравнению с другими бывшими союзниками гитлеровской Германии⁴⁸. Она оказалась своего рода страной-феноменом в условиях начинавшейся “холодной войны”: принадлежала сообществу государств западного мира и одновременно сотрудничала с Советским Союзом.

---

⁴⁶ *Berry R.M.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Helsinki, 1987, p. 420.

⁴⁷ *Ibidem.*

⁴⁸ *Барышников В.Н.* Американско-финляндские отношения в 1941–1944 гг. и политика СССР. – Петербургская историческая школа. Альманах памяти В.А. Ежова. СПб., 2001.